

РЕЧЬ КАК ИГРА

В последние десятилетия резко возрос интерес к приемам создания комического, к своеобразной игре с языком, прежде всего – в малых художественных жанрах. Показательна в этом плане монография В.З.Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры» (М., 1999), где детально проанализированы шутки, возникающие при намеренном нарушении норм синтаксиса, семантики, прагматики, стилистики. Но тема языковой игры или, по выражению Б.Ю.Нормана, "игры на гранях языка" неисчерпаема, как неистожима фантазия авторов, с разных сторон проверяющих на прочность общепринятые правила речевого поведения. Шутки, розыгрыши такого характера часто используются в фольклоре восточных народов (здесь особенно выделяются юморески "проделки хитрецов").

На показательном материале рассмотрим некоторые выразительные приемы создания комического, основанные на нарушении коммуникативной логики, т.е. логики развертывания мысли в тексте (этот аспект редко привлекает исследователей). Анализируемые нарушения норм речевого поведения наглядно демонстрируют огромные возможности переосмыслений и вообще – языковой игры при создании разнообразных художественных текстов.

БЕССВЯЗНОСТЬ

Обратимся к классике.

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: "Моя им сведена корова!" –
"Помилуй, – возопил глухой тому в ответ: –
Сей пустошью владел еще покойный дед".
Судья решил: "Чтоб не было разврата,
Жените молодца, хоть девка виновата".

А.Пушкин

Так охарактеризовал поэт взаимоотношения читателя, автора и критика. Каждый говорит свое и не желает слышать другого.

Еще иллюстрация. «Как может быть хорошо женщине в ее положении в эту невыносимую жару, когда окна на солнце, – сказала Варвара Алексеевна...

– Да ведь здесь тень с десяти часов, – сказала Мария Павловна.
 – От этого и лихорадка. От сырости, – сказала Варвара Алексеевна...»
 (Л.Толстой). Здесь совмещены сразу три достоинства: бессвязность, подмена тезиса и противоречие.

«...За внешней несвязностью текста и отсутствием общей темы разговора может скрываться активный обмен информацией», – пишет Б.Ю.Норман и приводит такой пример "зашифрованного" диалога (из повести Ю.Алексеева "Бега"):

«Карина дважды прогулялась вдоль виноградной беседки. Бурчалкина там не наблюдалось. Тогда Карина зашла к хозяйке и завела с ней несколько туманный, но вполне понятный обоим разговор.

– Красивая у вас беседка, – сказала она, поглядывая в окно.
 – Кто же его знает, – сказала хозяйка. – Он ведь сегодня не ночевал.
 – В Сочи веселее, но плохой пляж, – сказала Карина раздраженно.
 – Может, еще и вернется, – сказала хозяйка.
 – Но компания там замечательная. И потом гора Ахун...
 – Да, он парень видный, – согласилась хозяйка.
 – Если будете в Москве, заходите, – сказала Карина. – Обязательно. Вот телефон и адрес.

– Хорошо, я ему передам, – сказала хозяйка и сложила записку вчетверо.
 Поговоривши таким образом, собеседницы потерлись щеками и разошлись»
 (Норман Б.Ю. *Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987. С. 193*).

Как видим, каждая из собеседниц ведет свою линию – почти независимо от реплик другой. Но это не театр абсурда. Невысказанные прямо беспокойство Карины и ее просьба поняты, и хозяйка любезно согласилась ей помочь.

Правила коммуникативной логики во всех трех процитированных текстах, конечно, нарушены. В первых двух такое нарушение осуждается, высмеивается (ради этого они и созданы), а в последнем скорее даже приветствуется: показано, что намеками, недомолвками можно добиться своей цели. Во всех трех случаях неотразимо притягательна именно разорванность, бессвязность диалога. Это нарушение текстовой логики и создает художественный эффект.

ТЕКСТОВАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ

Подсоединение к замеченному в тексте избыточному элементу ряда аналогичных, усугубление избыточности используется юмористами как прием пародирования критикуемого недостатка. Гиперболизируя, юморист более выпукло оттеняет акцентируемый дефект текста.

Вот как иронизирует критик, строя свой комментарий на нагнетании избыточности:

«Вы пишете:
 "Он увидел, что к его дому идет товарищ по службе.
 – Марфа! – крикнул он прислуге, – скажи идущему человеку, что меня нет дома!"
 Неясно. Надо бы поподробнее:
 " – Женщина Марфа, – крикнул он ртом прислуге, – скажи идущему при помощи ног человеку, что меня нет дома» (Смехач, 1926. № 26. С. 11).

Тот же прием многократно использован в известном английском анекдоте, пародирующем юридический текст:

Указанный апельсин

Вместо обычной фразы "Я даю тебе этот апельсин" юристы скажут: "Настоящим я даю, дарю и передаю тебе в соответствии с моими интересами, правом, статусом и требованием этот апельсин вместе с кожурой, цедрой, соком и мякотью и со всеми правами на кусание, резание, сосание или иное употребление указанного апельсина, или избавление от него, или передачу указанного апельсина в распоряжение третьей стороне с кожурой, цедрой, соком и мякотью или без кожуры, цедры, сока и мякоти в соответствии со всеми поправками, прилагаемыми впоследствии к настоящему соглашению".

В этом тексте обращает на себя внимание многократная (и каждый раз – нагнетаемая) избыточность. Сказано: "Я даю, дарю и передаю тебе". Но ведь "дарить", согласно словарному определению, "давать, передавать в качестве подарка". Далее: "Вместе с кожурой, цедрой, соком и мякотью". Но ведь "дарить апельсин" и означает отдавать его со всеми указанными составляющими. Вот если бы некто дарил апельсин без кожуры (уже очищенный), то об этом стоило бы сказать особо (исключительный случай!). Обычно же апельсин иначе как с кожурой не дарят. Любопытно, что в полностью избыточном сочетании "с кожурой, цедрой, соком и мякотью" заложена, как в матрешке, еще одна, уже внутренняя избыточность: если апельсин дарят, как сказано, "с кожурой", то очевидно, что его дарят тем самым и "с цедрой", поскольку цедра – это верхний слой корки цитруса. Конечно, составитель юморески мог бы еще продолжать свою речевую "матрешку", сказав, например, "с цедрой, а также всеми заключенными в ней витаминами и пряными запахами". Но, видимо, – поленился или решил, что такое нагнетание даже для юморески будет чрезмерным: где-то, на разумном рубеже, надо ведь остановиться.

Очень забавно в конце указание на допустимость передачи подаренного апельсина "третьей стороне" – "без кожуры, цедры, сока и мякоти". Как будто это возможно! Предусмотрена (на всякий случай) даже невозможная ситуация. Безопаснее будет!

В целом же этот веселый анекдот – с комическим заострением – демонстрирует эффект использования принятой юристами чрезмерной уточняющей технологии (предельная перестраховка). Пример этот, конечно, намеренно увеселительный, но он наглядно (и правильно!) раскрывает, насколько детально может быть развернуто, представлено исходное утверждение, если оно предназначено для формирования на его основе юридического текста. Цель юриста – выиграть возможную тяжбу. А что составленный им текст удивляет "непосвященных" своей чрезмерной избыточностью и детализацией – не так уж важно. Тем более – в наше меркантильное (мелочно-расчетливое, своекорыстное, торгашеское) время.

Видите: и я ввернул в скобках избыточное уточнение. А вдруг кто-то (не вы, конечно) не знает, что такое "меркантильный"?

ТЕКСТОВАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

Случайный разрыв в тексте, возникший "сам по себе", не предусмотренный автором, – грубая логико-стилистическая ошибка. В то же время пропуск какого-либо элемента текста, связующего звена может быть использован намеренно – как своеобразный прием повествования. Несколько примеров.

Опыт в семейной жизни получает каждый муж в отдельности

Однажды двое приятелей завтракали. Один из них был женат около года, второй – более двадцати лет.

Молодой рассказывает: "На днях я пришел домой, а жена хочет пойти в кино. Я пришел усталый и говорю ей, что не хочу никуда идти. Я, говорю, работаю весь день, чтобы прокормить семью. Работа не из легких, и, когда придешь домой хочется отдохнуть. Не хочу выходить из дому. Разве я не прав?"

Ветеран семейной жизни уныло посмотрел на приятеля.

– Ну, и что это был за фильм? – спросил он.

Письмо от пани Мюллеровой

«К этому же периоду относится и визит Швейка на квартиру к его старой служанке пани Мюллеровой. Швейк застал дома двоюродную сестру пани Мюллеровой, которая с плачем сообщила ему, что пани Мюллерова была арестована в тот же вечер, когда отвезла Швейка на призыв. Старушку судил военный суд, и ввиду того, что ничего не было доказано, ее отвезли в концентрационный лагерь в Штейнгоф. От нее уже получено письмо. Швейк взял эту семейную реликвию и прочел:

"Милая Аннушка!

Нам здесь очень хорошо, и все мы здоровы. У соседки по койке сыпной = есть и черная =. В остальном все в порядке. Еды у нас достаточно, и мы собираем на суп картофельную =. Слышала я, что пан Швейк уже = так ты как-нибудь разузнай, где он лежит, чтобы после войны мы могли украсить его могилу. Забыла тебе сказать, что на чердаке в темном углу в ящике остался щеночек фокстерьер. Вот уже несколько недель, как он ничего не ел, – с той поры, как пришли меня =. Я думаю, что уже поздно и песик уже отдал = душу". Весь лист пересекал розовый штампель: "Просмотрено цензурой. Императорский и королевский концентрационный лагерь Штейнгоф (нем.)» (*Гашек Ярослав. Похождения храброго солдата Швейка. М., 1977. С. 90*).

Как видим, неполнота (пропуск) может быть художественным приемом, активизирующим мыслительную деятельность читающего. В первом из приведенных текстов (разговор двух мужей) прием этот использован, чтобы передать ироническое отношение ветерана семейной жизни к "новобранцу", для дружеского подтрунивания; во втором (письмо от пани Мюллеровой) – чтобы памфлетно обнажить убожество мысли цензоров и полную механистичность их действий.

А с какой целью использован тот же прием в следующем тексте?

Наверстать опущенное!

«Из зала суда

На троих

Определенных занятий у Егора Горохова не было. Однако по воскресеньям он любил побаловаться пивком.

Рассмотрев материалы дела и показания многочисленных свидетелей, народный суд Кунцевского района приговорил изувера к 10 годам лишения свободы".

Примечание "Известинца": средние два абзаца, как обычно, выпали при сокращении» (Известинец, 1.05.1959, № 5. С. 8).

Еще пример намеренной текстовой недостаточности – стихотворение, в основе структуры которого – только второстепенные предикаты-деепричастия, обозначающие добавочное действие, т.е. в тексте нет предусмотренного нормой основного глагола, к которому эти деепричастия относятся:

То Каем, то Гердой себя ощущая,
по грязному снегу к метро пробегая,
очки протирая сопливым платком,
и вновь поднимаясь в гриппозную слякоть,
и вновь ощущая желанье заплакать,
желанье сцепиться вот с этим жлобом,

металлокерамикой в глотку вцепиться,
в падучей забиться, в экстазе забыться,
очки протирая, входя в гастронорм,
и злясь, и скользя, и ползя понемножку
по грязному снегу, по гладкой дорожке,
по кочкам, по кочкам...

(Кибуров Тимур. "Кто куда – а я в Россию..." М., 2001. С. 372)

Как видим, функциональная нагруженность пропуска в структуре (намеренное использование его ради передачи нужного смысла) оправдывает даже такое серьезное отступление от синтаксической нормы. Вообще же ошибка (или, точнее, то, что квалифицируется как ошибка в нормативно построенном тексте) может стать вполне приемлемой при использовании со специальной целью и даже оцениваться как творческое достижение автора. Кстати, верно и обратное: сознательно применяемый логико-стилистический прием может оказаться – при неумелом использовании – логико-стилистической ошибкой. И здесь уже надо говорить не «ошибка как прием», а «прием как ошибка». Но это – особая тема, развить которую надеемся в другой работе.

Поскольку заявленный тезис теоретически значим, попытаемся главное выразить более определенно.

Принято считать, что всякое авторское нарушение коммуникативной нормы – либо ошибка, либо прием. Точнее, однако, сказать так: отступление от коммуникативной нормы может быть одновременно и ошибкой и приемом. Оно – ошибка, если рассматривать его в нормативно организованном тексте, и оно же – прием, если используется в намеренно "искривленном" тексте, выполняя нужную автору особую смысловую функцию. При этом прием не перестает быть ошибкой – на фоне нормативно построенных текстов.

При всяком намеренном нарушении коммуникативной нормы важно, чтобы читатель понял передаваемый с помощью этого приема авторский смысл – с какой целью норма нарушена. Говоря на языке психологии: чтобы был ясен мотив речевого поступка пишущего.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ

В веселой книге "Физики продолжают шутить" (М., 1968) читаем:

«Когда группа ученых в Америке получила 2 миллиграмма гидроокси плутония, то от любопытных, жаждавших увидеть новый элемент, не было отбоя. Но рисковать драгоценными кристаллами было нельзя, и ученые насыпали в пробирку кристаллики гидроокси алюминия и, подкрасив их зелеными чернилами, выставили для всеобщего обозрения. "Содержимое пробирки представляет собой гидроокись плутония", – невозмутимо заявляли они посетителям. Те уходили удовлетворенными» (с. 76). Сочетание "представляет собой" воспринимается в значении "действительно и есть, является" (А есть В; А – это В; не случайно посетители "уходили удовлетворенными"), тогда как употреблено оно в значении "символизирует, представляет" «А – представитель В; А замещает В).

Еще факты намеренной неоднозначности:

Библейская любовь

Семьсот семьдесят седьмая жена Соломона: – Соломончик, это правда, что ты меня любишь?

Соломон: – Моя дорогая, ты одна из тысячи!

Она еще крепче прильнула к нему.

(Из американского фольклора)

Говоря "ты одна из тысячи", Соломон не лжет, и в то же время он стремится, чтобы женщина поняла это оценочное высказывание в нужном ему смысле (как позитивное, а не негативное).

Взаимная надежда

Преподаватель: – Надеюсь, я не увижу, что вы списываете с чужой тетради?

Студент: – Я тоже на это надеюсь.

(Забавно, да? При полном согласии – полное разногласие.)

А теперь – несколько восточных шуток.

Как обмануть честно

Один легковверный пришел к судье за советом.

– У меня есть жена. Кроме того, у меня есть красивая возлюбленная, на которой я собираюсь жениться. Но если родители этой девушки узнают, что я женат, то не отдадут за меня свою дочь. Прошу вас указать мне путь, как жениться на второй и не разводиться с первой.

Измученный судья вначале стоял молча, не зная, что на это ответить, но когда увидел вынутые из кармана просителя деньги, то его осенило, и он с радостью сказал:

– Этому делу легко помочь. Пошлите свою жену под каким-нибудь предлогом на кладбище, а в это время поклянитесь родителям девушки так: "Пусть я буду трижды проклят, если у меня есть жена, кроме той, которая находится на кладбище!" По шариату вы не будете считаться лгуном и достигнете цели.

Фразу "Вы не будете считаться лгуном" можно поставить заголовком к следующему рассказу:

Один вор забрался в чей-то дом, ухватил кожаный сундучок и понес его к дверям, но только раскрыл их, как увидел на улице множество прохожих. Тогда он припрятал сундучок в сенях, схватил стоявший там веник и принялся усердно подметать улицу перед входом в дом.

– Что ты здесь мести принялся? – спросили его.

– Исполняю я то, что предписано святыми обычаями в день скорби и траура, – ответил он, – ибо лишились обитатели этого дома самого дорогого, самого любимого своего.

– Что же плача их не слышно? – спросили его.

– Плакать они будут потом, – ответил вор.

Упомянув "день скорби и траура" и говоря затем "лишились обитатели этого дома самого дорогого, самого любимого своего", вор однозначно (и весьма искусно!) внушает прохожим мысль о кончине одного из обитателей дома. Между тем за словами вора стоит кожаный сундучок с наиболее ценными вещами. Скольких хитрословов выручали фразы с двойным смыслом!

Вот так простачок!

Паренек, который слыл в селении не очень умным, суетился вокруг кузнеца и уже изрядно ему надоел. Думая его напугать, кузнец сунул ему под нос кусок раскаленного железа.

– Если вы дадите мне полтинник, я его лизну, – простодушно сказал парнишка.

Кузнец вытащил монету и отдал мальчику. Тот, ни слова не говоря, взял монету, лизнул ее, положил в карман и, весело насвистывая, побежал прочь.

Мальчик, как видим, оказался не таким уж глупым. Он ловко провел за нос кузнеца с помощью двузначного в этой фразе местоимения "его".

Совсем другое дело

Торговец молоком: – Иسمет, ты добавил утром воды в молоко?

Новый работник: – Но ведь вы сами приказали мне сделать это.

Торговец молоком: – Да, но я сказал тебе, что сначала надо налить воды, а потом добавить туда молока. Тогда мы можем со спокойной совестью отвечать покупателям, что никогда не разбавляем молоко водой.

Главное, как видим, отвечать со спокойной совестью (фразами с двойным смыслом): "Ты одна из тысячи!", "Содержимое пробирки представляет собой гидроокись плутония", "У меня нет жены, кроме той, которая находится на кладбище", "Обитатели этого дома лишились самого дорогого, самого любимого своего"... Тогда, как откровенно поясняет судья, согласно шариату, вы не будете считаться лгуном. Забота о чести – прежде всего.

Фразами с двойным смыслом можно не только обмануть честно (как показано выше), но и оскорбить безнаказанно.

Две иллюстрации.

Отомстил

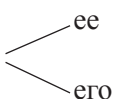
Один мужик никак не мог сторговаться с бабой, продававшей свинью. Потеряв терпение, он сунул кошельек обратно в карман и сказал:

– Коли так, то пусть мне останутся деньги, а пани – свинья!

Кого видел Меньшиков

Генерал-губернатор Закревский, вследствие одного несчастного случая, принял меру, вызвавшую у многих недовольство: повелел, чтобы всех собак в Москве выводили не иначе как в намордниках. Случилось в это время князю Меньшикову быть в Москве. Возвратясь оттуда, на вопрос о новостях он отвечал:

– Ничего особенного. А впрочем, есть новинка: все собаки в Москве разгуливают в намордниках. Только собаку Закревского я видел без намордника.

собака Закревского

Второй смысл (его) здесь намеренный, рассчитан на догадливость воспринимающих. Оценка высказана, но и путь к отступлению обеспечен.

Теперь, можно надеяться, вы сумеете самостоятельно критически оценить обобщающее высказывание известного филолога XIX века А.А.Потебни в его работе «Из записок по русской грамматике» (Харьков, 1888): "Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т.е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения" (Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. Сост. В.А.Звегинцев. М., 1956. С. 123). Вспомните приведенные в разделе примеры – и вы внесете коррективы в это суждение. Видимо, А.А.Потебня не учитывал подобные случаи. Он не обращался к многочисленным фактам намеренной неоднозначности. Речь богаче, изворотливее, многоприцельнее, умнее языка. А линейное отношение "одно слово в речи – одно значение" не покрывает всего многообразия каждодневно конструируемых – с разными конкретными задачами – неоднозначных включений (различной степени развернутости). Особенно стараются в этом плане юмористы.

Слово не только в языке (словарях), но и в речи, в контексте нередко многозначно, актуализирует у воспринимающего пучок перекликающихся значений, который и есть многомерная мысль.

Особый вид многозначности – смещение смыслового акцента. Такое смещение может быть не только ошибкой, но и выразительным стилистическим приемом, т.е. конструироваться намеренно.

– Говорят, что вы женились на вашей супруге потому, что ее дядя оставил ей миллион.

– Это наглая ложь. Я все равно женился бы на ней, кто бы ей его ни оставил.

Пружина остроумия – в смещении смыслового акцента. Первый собеседник делает логическое ударение на слове "миллион", а второй отвечает так, как если

бы ударение было поставлено на слове "дядя". Произвольно смещая ударение, он получает тем самым новое суждение, которое успешно опровергает. Бравируя своей откровенностью, он серьезный упрек переводит в шутку.

Заведующий входит в отдел и возмущенно говорит одному из работников:

– На этой неделе я уже третий раз ловлю вас на том, что вы бездельничаете.

Объясните мне причину!

– Причина очень проста! – отвечает работник. – У вас ботинки на мягкой подошве...

Заведующий акцентировал слово "бездельничаете". Работник же, надеясь отшутиться, представляет дело так, будто логически акцентировано слово "ловлю".

Номенклатурный руководитель выступает перед рабочими на заводе:

– В будущей пятилетке мы преодолеем трудности, и у нас будет всё!

Рабочий из зала:

– А у нас?

В.Маяковский с эстрады отвечает на записки.

«Тов. Маяковский, чем объяснить, что вы в центре всего ставите свое "я"?»

– В центре как-то заметнее, – улыбнулся Маяковский.

(Из книги: Лавут П.И. Маяковский едет по Союзу. М., 1963, С. 25)

На поставленный в записке наивный вопрос Маяковский не мог отвечать всерьез, поскольку спрашивающий не понимает сущности лирики, ее природы. Говорить с ним о технике дела бесполезно.

МНОГОВЫРАЖЕННОСТЬ

При разных наименованиях предмета мысли нередко возникает *различение тождественного*, что может быть как ошибкой, так и своеобразным стилистическим приемом.

Пожилой мужчина, вернувшись из поликлиники, передает домашним услышанную шутку. «Врач мне сказал: "Вам надо ездить на курорт два года подряд, а потом – каждый год"». Конечно, врач намеренно различил тождественное: он говорит как бы о двух разных вещах (два года подряд, затем каждый год), прекрасно сознавая, что по существу он советует ездить на курорт ежегодно. В такой парадоксальной, заостренной форме, как он считает, его совет будет лучше воспринят и усвоен больным. К тому же улыбка – тоже средство оздоровления.

На приеме различения тождественного построены некоторые остроумные восточные анекдоты.

Перестарался

Хозяин послал своего слугу по какому-то делу в другой город. По дороге тому пришлось остановиться на ночлег. Он подошел к караван-сараю, но там уже все спали. Слуга сильно постучал в дверь.

– Кто там? – спросил привратник.

Чтобы ему открыли несмотря на поздний час, слуга напустил на себя важность и выпалил:

– Изволили прибыть его высокопревосходительство сановник двора его величества Хаджи Мирза Мохаммад Хосейн-хан, первое лицо при дворе, наместник Джушкана и всех областей и прочая, и прочая. Открывай ворота!

– Послушай, милый человек, да помилует господь твоего отца, но слишком вас много! У нас нет места для такого количества людей.

Кающийся грешник

Вор-ханжа украл гуся. Чтобы снять с себя грех, он пришел к имаму и сказал:

– О шейх, я украл гуся!

– Ты совершил тяжкий грех, – говорит имам. – Запомни, ворованное есть нельзя.

– А мне простится грех, если я отдам гуся вам?

– Нет, сын мой, я гуся не возьму, тебе следует отдать его хозяину.

– Я пытался вернуть его хозяину, да он не взял.

– В таком случае ты вправе его съесть.

– Да благословит господь имя твое, отец, – сказал вор.

Когда имам вернулся домой, он узнал, что у них украли гуся.

Вор-ханжа, обращаясь к имаму, намеренно различает тождественное: своего собеседника и хозяина гуся. Он говорит о хозяине гуся как об отсутствующем, третьем лице: "Я пытался вернуть его хозяину, да он не взял". Тем самым вор умышленно вводит имама в заблуждение и получает "индულгенцию" от самого владельца гуся.

Ситуация здесь, по существу, такая же, как и та, которая охарактеризована в предшествующем разделе – "Многозначность". Но там используется двойной смысл, а здесь – двойное наименование.

Способ защиты

Однажды падишах посетил виноградник бекташи. Окинув взглядом огромный сад, падишах спросил:

– Послушай, а куда вы девааете весь ваш виноград?

– Мы продаем его мюридам, но и сами, конечно, едим, мой эфенди.

– Да разве можно съесть такое количество винограда?

– Сколько можем, съедаем, остальное закладываем в бочки, а потом пьем.

– А разве в бочках виноград не становится вином? – лукаво сощурившись, спросил падишах.

– Видит бог, мой эфенди, этого я не ведаю. Мы выжимаем виноград, сок заливаем в бочки. А на остальное – воля всевышнего.

Важно, значит, как назвать: "вино" – нельзя, "сок" – можно.

Деликатность

Один человек спросил у Ходжи взаймы денег.

– Деньги у меня есть, но дать их вам я не могу, – ответил сокрушенно Ходжа.

– Неужели вы мне не верите?! – удивился человек.

– Ну что вы! Вам-то я верю, но в то, что получу свои деньги обратно, не верится.

Ходжа, не желая обидеть просителя, вынужден вступить в конфликт с логикой и различить тождественное: вам верю, но вашим заверениям – нет.

Та же пружина – в основе американского анекдота.

Всё наоборот

Служащий мэрии: – Да полно! Вы же не станете утверждать, что он хотел выбить вам глаз.

Жалобщик: – Конечно, нет, сэр. Наоборот, у меня сложилось мнение, что он хотел вбить его поглубже внутрь.

Чтобы не спорить с представителем власти, жалобщику пришлось различить тождественные действия и даже представить их как противоположные.

Важное уточнение

Дежурный офицер совершал обход в столовой во время завтрака. Остановился возле одного из столиков и спросил:

– Есть какие-нибудь жалобы?

Один солдат встал и пожаловался:

– Этот чай пахнет хлоркой.

Офицер попробовал глоток.

– Неправда! – произнес он. – Это карболка.

А вот весьма изящное различие тождественного.

– Кто эта блондинка, с которой я видел тебя в воскресенье?

– Это та брюнетка, с которой ты видел меня в субботу.

Вспомним, кто применяет логико-стилистический прием различения тождественного. Это вор-ханжа, намеренно вводящий в заблуждение имама, Насреддин, выступающий в роли заимодавца, жалобщик в мэрии, приятель, отвечающий на вопрос о его знакомой, дежурный офицер в столовой... Для чего они используют этот прием? С разными целями: обмануть, насмешить, озадачить (показав "логичность нелогичного" в жизни), достичь согласия (даже ценой потери логики в рассуждении), защититься от нападок (заменив одиозное наименование вполне невинным) и т.д. Прием различения тождественного нередко применяется и одновременно в нескольких функциях.

Речь человеческая хотя и линейна, но не одномерна. И концентрированная народная мудрость, собранная в юмористических зарисовках, показывает это со всей очевидностью.

